Плач о брате двоюродном

Как сегодняшнего де́нечка Господнего
Пришла весточка победной мне нерадостна,
Письмо-грамотка пришла да невеселая
Под этиим орлом под печальныим,
Под этою печатью под черною!
В руку брала эту грамотку — спугалася,
Роспечатала победна — изнывала вся,
Я читать стала — слезамы обливалася!
Не пером да это пи́семко уписано,
Не черныма черниламы составлено;
Как горючима слезамы оно писано,
Великоей обидушкой составлено,
Злой этой кручиной запечатано!
Уж я так, бедна победная головушка,
Не могла читать обидной этой грамотки;
К себе при́звала любимую семеюшку
Во эту во столову нову горенку;
Я лево́й рукой писемко подавала,
Правой рученькой я слезы утирала;
«Ты читай письмо, надёжа, умильнёшенько!
Роскажи мне пословечно хорошохонько,
Да што дится на родимой моей родине
У желанного родителя у дядюшки?
Отлучил Господь сердешно, знать, их дитятко!»
Тут спроговорит любимая семеюшка:
«Снарядись да ты, голубко, в путь-дороженьку,
Поспешайся на родиму свою родинку,
Ты спросись у богоданной в доме матушки,
Доложись да у невестушек-голубушек:
Поостались бы с сердечным твоим дитятком!»
Подходила к богоданной тихо матушке,
Я давалася, победна, с горючмы слезмы,
Доложилася с великой я кручинушкой:
«Ты спусти да, богоданна мила матушка,
Во тоски, скажут, в великой во обидушке

Мой спацливый, жалосливой родной дядюшка,
Ты спусти да на родиму меня родину
Ко добротушке желанной родной тетушке!»
Отпустили на родиму меня родину!
Я спешилась путем-ши́рокой дороженькой,
Приходить стала ко селу я деревенскому,
Я зглянула как на рощицы зеленые,
Што уныла стоит рощица зеленая,
Вси пруточки на деревьях приломалися,
По сырой земле листочки росстилаются,
Шелкова трава во саде розвевается,
Вси поблекли эты розовы цветочики?
Как жупят да теперь птицьки не по-прежнему,
Приуныли эты жалки соловеюшки!
Как пустылое хоромное строеньице:
На слезах стоят стекольчаты околенки,
Подшиблося крылечико перёное,
Верно е в доме великая незгодушка!
Доспрошусь я у соседок, удоведаюсь:
«Вы скажите, спорядовы мне суседушки,
Отчего бы в саду деревца посохнули,
Отчего да вси цветочики поблекнули
Во этой во рощице зеленой?
Али жа́лобно пекло да красно солнышко
На эты саха́рны деревиночки?
От холодной ли зари цветы поблекнули,
Аль от сивера трава к зени склонилася?
Не утайте-тко, спорядные суседушки,
Вы по правды мне, горюше, расскажите-тко,
Отчего да светла све́тлица кручинится,
Для чего в слезах стекольчаты околенки?»
Воротилась я к крылечику перёному;
Тут гляжу-смотрю желанной стоит дядюшка,
Во-други́х стоит родитель-родна тетушка;
Как томным стоят, победныи, томнёшеньки;
Востретают на крылечике перёном!
Мне пройти было, кручинной головушке,
Наднести да свои белы эты рученьки
На желанного родителя на дядюшку,

Мне-ка сдиять в пути доброе здоровьице,
Во-других да со родителью со тетушкой.
Вы скажите, теплы красны мои солнышки,
Отчего да вы, желанны, закручинились,
Со обидушкой меня ноне стретаете,
Со горючима слезамы принимаете?
Уже где да е сердешно ваше дитятко?
Уже где ваш соколочик златокрыленькой?
Не стретает меня верба золочёная;
Видно, при доме его да не случилося,
В чисто поле, знать, свет он удалился,
В белополотняны шатры он ушатрился?
Лучилось слышать кручинной мне головушке
Про ваше ало-великое несчастьице,
Што оброночку победны обронили,
Потеряшечку обидны потеряли;
Вы оброночку безнайду в целу тысячу
Потеряшечку безнайду — цены нет!
Уж моя ли как жадо́бна ро́дна дяденька,
Ты злачён персте́нь стеряла со право́й руки,
Самоцвет-каме́нь, родитель, со белой груди,
Белой свет, да ты родитель, со ясных оцей,
Красоту, да ты родитель, со бела лица!
Уж как мой желанной дядюшка
Со головушки стерял он пухову шляпу,
Со право́й руки он трость да золочёную
Ум-тот разум он стерял да со головушки!
Изменилося мижённо красно солнышко,
Отлетел ваш соколочик златокрыленькой,
Быв как птиченька он сгинул подшибёная,
Вроди травоньку морозом приударило,
Быдто камышек нырнул он во синё море!
Удалилося рожёно ваше дитятко
За темныи леса, за дремучии,
За высокии горы, за толкучие,
Ко зари оно, дитё, да ко восточной!
Туды ветрышки ведь е не провевывают,
Лютое звирье не прорыскивае,
Малая птиця не пролетывае,

Ни прохожиих туды, ни проезжиих!
Хоть не дальная сторонка — безызвестная,
Не колодист туды путь — бесповоротной!
Нонь пройду да я во светлу нову горенку,
Проберусь, бедна, в поместной во большой угол,
Сотворю да я Исусову молитовку;
Тут я крест кладу, горюша, по-писáному,
Я поклон веду, горюша, по-учёному
На все на три-четыре на сторонушки;
Я челом воздам народу-людям добрыим,
Всобинýй я свету-братцу поклоняюся,
Я первóй поклон — во резвы ему ноженьки,
Я другой — супротив его белых грудей,
Я третéй поклон — кудрявоей головушке!
Воскликать стану тут братца сдвуродимого:
«Да ты слушай-ко, сдовольной белой светушко,
Ненаглядная ты яра моя свичушка!
Буде крепко спишь ты, свет, да пробудися,
За любимых своих гостюшек схватúся;
Да ты стань-востань на резвы свои ноженьки,
Отложи от сердча белы свои рученьки,
Размахни да свои оци ясныи,
Уласкай да ты крестовых своих детушек
По-прежнему, мой свет, да по-досюльному!
Как допреж сего, до этой поры-времечка
Ты стретал нас на крылечике перёном,
Угощались за столом мы за дубовым,
Разгулялися во садике зеленом,
Веселилися как цветики лазуревы!
Нонь сегодняшним Господним Божиим дéнечком
Знать, розгневался, сердешной доброхотинка,
На сестрицу ты свою сдвуродимую!»
Воскликать да стать горюше не докликаться,
Хоть испытывать, победной, не доведаться
Мне ласкова прелестна нареченьица!
Ай, изведай, тепло красно мое солнышко,
Што не выстанешь на резвы свои ноженьки,
От талá сердча словечка не забаешь?
Чем разгневала я, крáсно мое нá золоте?

Не ходила на родиму што на родинку,
Не пришла я при смерётушке скорёшенько,
Не смотрела я в тяжелом неможеньице?
Того жаль мне-ка, победнушке, тошнёшенько!
Кабы знала я, горюша, про то ведала,
Я давалась у надежной бы головушки
На гостиную урёчную неделюшку
Посидеть да к тие, красному бы солнышку!
Вы послушайте, народ да люди добрыи!
Можно знать-ведать спорядным вам суседушкам,
Што во доброй, во крестьянской живу жирушке,
Што разумны богоданныи родители
Мне-ка дали бы слободну пору-времечко,
Постанови́ли бы крестьянскую работушку!
Посудьячу на желанного я дядюшку,
Попеняю на родитель свою дяденьку;
Мне-ка не дали, победноей, известьица
Про болезную, обидную постелюшку!
Во кручине, знать, ума да не хватило,
Во обиды в добрых людях не спросили!
Ой, раздумаюсь победным своим разумом,
Што из мертвыих в живых да не становятся;
Не притеплит ноньку белу мою пазушку
Тепло красное умёрше ноньку солнышко!

К дяде и тетке:

Прозабыла я, кручинная головушка,
Доспроситься я, горюша, удоведаться,
Долговеко ль его было неможеньице?
Он лежал ли то урёчную неделюшку,
Не наскучил ли в болезноей постелюшке?
Столько видели ль бессчастныи родители,
Как душа да с белым телом росставалася,
Красота да со бела лица стерялася,
Его желтыи волоски розвевалися,
По сголовьицу кудёрки россыпалися!
Аль того да вы, бессчастны, убоялися?
Удолять стала великая обидушка,

Приужа́хнулось ретливое сердечушко,
Знать што дядюшка кручиной забавлялся,
На белых грудях ты, дяденька, свивалася!
Хоть прижала ты, обидна, к ретливу сердчу
Сердобольна доброхотушка,
Хоть ты думала, победная головушка;
«Содержу свое сердешно крепко дитятко
У своей я у позяблой у бело́й груди,
Не допущу да этой борзой я смерётушки
До своей теплой, сердешной сугревушки!»
Подошла да тут злодийка-лиходеица,
Тихо кра́дци подходила тут смерётушка,
Тихомолком взяла красно ваше солнышко;
Вкруте с дитятком, бессчастны, вы расстались
Во горя́х да вы, бессчастны, во обидушке!
Вдруг проглупали талан да свою участь,
Вы не видли тут, бессчастныи родители,
Как душа да с белых гру́дей выходила,
Ясны очушки с белым светом росстались!

К суседям:

Не дивуйтесь-ко, суседи спорядовыи,
Не дивуйте-тко победной мне головушке,
Не гля чести причитаю, ради по́хвал,
Жаль-тошнёшенько мне братца сдвуроди́мого,
Потошние — соколочка златокрылого!
Все я думаю печальным моим разумом:
Не постыла мне родима была родинка!
Хотя ж нету там желанныих родителей,
Не возрощены там братцы-теплы солнышки,
На стретаньице был милый доброхотинка,
На привете да был братец сдвуродимой!
Мне жаль, бедной горюшице, тошнёшенько,
За его жаль за великое желаньице!
Засмотрел мою отда́нную головушку,
Он на этой судимой на сторонушке;
Без пути держал он, свет, да перепутьице;
Он без празднику держал, да свет, гостибище,

Ходил-ездил ко отданноей головушке,
Вроде светушка как братца он родимого!
По кресту да был крестовой мне-ка кумушко:
Он крестил да всех сердешных моих детушек,
Принимал он от купеля от священного,
Со белы́х рук от попа-отца духовного!
Он дарил да всех сердешных моих детушек,
Он по крестику дарил да золочёному,
Он меня дарил, печальную головушку,
Дороги́ дарил покупки заграничные!
Нонь пришла, бедна кручинна я лебедушка,
На родимую, победна, свою родинку,
Я ко свету пришла братцу на прощаньице,
На последнее века́во расставаньице,
На с горючима слезамы обливаньице!
Уж как братец сдвуродимой, мое солнышко,
Не похаживав по светлым он по све́тлицам,
Как на ноженьках сапожки не поскрыпывают,
Уж белыма-то ручкама не смахивав,
Да он буйной головкой не покацивае,
Да он желтыма кудёркама не стряхивав,
Уж он ласкова словечка не проговариват;
Он не че́стуе во светлу нову горенку,
Он не жалуе за стол сесь за дубовой,
Он со шкапу не берет да чашек чайныих,
Со комоду он подносу золочёного,
Он не подчиват породы именитой!
Хоть мы шли путем-дорогой, не то думали,
Я не верила печальной этой весточке,
Говорила всё, кручинная головушка:
«Небылица теперь, може, напрасница,
Што нет в живности скачёной жемчужинки!»
Хоть я шла путем-дороженькой — обидилась,
Под ногама мать-сыра земля подгибалася,
От горюцих слез следочки заплывалися,
Добры людушки того да дивовалися:
Не ручей да текё быстра эта риченька,
Катит-жалует сестрица сдвуродимая,
Проливат она путем да горюци слезы,

На руках несе бладенця тринедельного,
Во руках веде дитё да трехгодовое
К своему куму, крестовому их батюшку!
. . . . . .

К тетке:

Ой, послушай-ко, родитель моя дяденька!
Ты сходи да в мелкорубленую клеточку,
Отомни ты окова́ны коробеечки,
Уж ты вынь оттуля цветно его платьице!
Мы попросим тут спорядныих суседушек,
Мы поставим-ко на резвы его ноженьки,
Мы обуем-ко сапоженьки козловыи,
Мы одинем-ко рубашки заграничные,
Мы сокрутим света-братца хорошёхонько,
Мы зачешем-ко кудёрышки гладёшенько,
Проведем да по хоромному строеньицу,
Мы тут сводим его в светлую светёлочку!
Ой, неладно я, горюшица, удумала,
Я нехо́рошо, победная, уладила!
Уже с лавочки нонь свет да не сдвигается,
Не до цветна, видно, нонь ему до платьица,
Столько даром молодецька вся покрутушка!
Едина́ да, видно, думушка ведь сдумана,
Во еди́ну путь-дороженьку отправленось,
С отцом с матушкой на свете росставается!
Ты послушай же, родитель моя дяденька!
Лучше во́зьмем золотой казны по надобью,
Мы закупим-ко гербовой лист бумаженьки,
Писарёчков наймем да хитромудрыих;
Уж мы спишем-ко персонь да лицо белое,
На патрет да его ясны эты очушки,
Колесисты эты черны его бровушки,
Молодецкий завивныи кудёрышки,
Мы злаче́нь персте́нь его да на правой руке,
Золотую мы цепочку на белой груди,
Мы на память то его, на пожеланьице,
Ясным очушкам нашим на смотреньице!
После этой сахарной деревиночки,

Налимной этой красной ягодиночки,
Как стоснется мне, победной, сгорекуется!
Я ходить да на родиму буду родинку,
Я глядеть буду на этот лист-бумаженьку,
Я смотреть да на персонь-то человеческую...

Если у особы, оплакивающей двоюродного брата,
родители уже умерли, то она,
обращаясь к покойнику, наказывает:

Это мне-кова, печальной головушке,
Написать да скорописчатая грамотка
Ко своим светам-желанным родителям;
Мне послать бы по тебе, мило дитятко,
На иное второе живленьице;
Стане облачко со облачком сходитися,
Може, с ду-другом настрету постретаетесь!
Ой, раздумаюсь печальным своим разумом:
Пи́сьма-грамотки писать я не умию,
Писарёчика нанять, бедна, не смию,
Бесспросясь я у законной у сдержавушки!
Лучше сяду нонь, горюшица, близешенько,
Вопотай скажу от добрых тоби людушек:
«Ты послушай, тепло красно мое солнышко!
Ты изведай всё бажёныим родителям,
Скажи низкое поклонно челобитьице,
От меня ты, от печальноей головушки,
Всобину́ да от сердечных моих детушек,
Ты подро́бну от любимоей семеюшки!
Пусть не гневаются жадобныи родители,
Што не по́часту на могилушку учащиваю,
Што по вешнему дни не усеживаю,
Не беру да я попов-отцов духовных,
Не служу я панихиды с поминаньицем!
Можно знать-ведать желанныим родителям,
Хоть за умной я живу за головушкой,
Не моя да столько вольна эта волюшка,
Власть имиют богоданныи родители,
Под началом у блада сына отецького;

Не посмию звать попов-отцов духовных
Уж я в дом к себе служителей церковных!
На родильску субботу не корилася,
На воскресной день, горюша, не молилася!
Ты поро́скажи, скачёная жемчужинка,
Я довольна тобой, братцем сдвуродимым,
Я вполне да угощеньицем любимым!»
. . . . . .

К родной сестре покойного:

Я гляжу-смотрю, победная головушка,
На тебя гляжу, сестрицу сдвуродимую,
На тебя я, на косату летну ластушку;
Отдали́ ходишь, косатушка, туляешься,
Вопотай, рутишь, голубко, горюци слезы!
Што же на́ речи, лебедушка, не ставишься,
На сгово́р да ты, сестрица, не сдаваешься?
Как дивуют тебя многи добры людушки!
Про кручинушку ты, верно, не слыхала?
Знать, сросла ты за желанныма родителям,
Знать, деви́цила за братцем за родимым;
Видно, нет в сердче великоей обидушки,
Во утробушке да нет у тя зазнобушки!
Подойди да того, белая лебедушка,
Не стыдись ты спорядовыих суседушек,
Ты не совестись удалых добрых мо́лодцев;
Попусти да ты, обиднушка, жалко́й голос,
Хоть неумильное-складно́е причитаньице
По своем ты соколочке златокрылом,
Ты по светушке-братце по родимом!
Молча схватишься, голубонько, наплачешься;
Спамятуешь света-братца, натоскуешься!
Приходить да станут летныи гульбищечка,
Будут вешныи, голубонько, игрищечка;
Походить да станут милы твои по́дружки
На игрищечка оны да на прокладбища,
Со повозничкам оны да со любимыма!
Хоть доложишься ты, белая лебедушка,

У своих милых, желанныих родителей;
Тут нальешь ты рукомойник ключевой воды,
Ты умоешь свое бело это личушко,
Ты утрешься в тонко бело полотенышко;
Тут ты сходишь в свою светлую светелочку,
Со стола возьмешь ключи да золочёныи,
Отомнешь свою ковану коробеечку,
Уж ты вынешь тут любимую покрутушку,
Все снарядное девоцье цветно платьице;
Тут возьмешь свою жемчужную подвесточку,
Круг сердечка опоясочку шелковую,
Ты обуешься в башмачики козловыи,
Наденешь сарафаны рострубистыи,
Тут возьмешь да часто рыбий мелкий гре́бешек,
Ты учешешь свою бладую головушку,
Уплетешь да мелкопрядну косу русую!
Ты нарядишься, косатка, хорошохонько,
До бела́ лица, голубко, принаби́лишься,
До ала́ да ты румяны нарумянишься,
Запоходишь по хоромному строеньицу;
Тут схватишься за братца за родимого,
Ростоскуешься, голубко, разобидишься,
По повозничке росплачешься любимом!
Как допреж сего до этой поры-времечка
Приходить буде Владычной Божий праздничек,
Стане по́ избы ведь светушко похаживать,
Потихошеньку с сестрицей разговаривать;
Говорить стане скачёная жемчужинка:
«Ты послушай свет-сестричушко родимая,
Ты давайся у желанныих родителей,
Ты проси у их ступистоей лошадушки,
Уберемся мы, сестрица, хорошохонько,
Да мы сьиздим на гульбище на прокладбище».
Снаряжались вы, голубонько, скорёшенько,
Поезжали вы со братцем веселёшенько;
Впереди он был тоби да передовщичек,
Позади он был любимой ведь повозничек.
Нонь как схватишься за братца за родимого —
Нет повозничка тебе да провожателя,

Твоей волюшки да нету сберегателя!
Он отпущен ведь к Миколе ко Святителю,
Он во матушку отпущен во сыру землю,
Он во по́греба отпущен во глубокии;
С горя бросишься во светлу нову све́тлицу,
Со тоски ты ко ларчам да окованыим;
Тут повынешь ты гулярно его платьице,
Прилагать будешь ко белому ко личушку,
Прижимать станешь к ретливому сердечушку
Горько выть будешь, горюша, коковать!
Вдруг прознаешь про великую кручинушку,
Сожалить будешь ты братца-света белого;
Ты отложишь все любимыи гульбищечка!
Как крутилася, лебедка, суровёшенько,
Так разрядишься, голубко, поскорёшенько;
Ты покрутушку отложишь со обидушкой,
Бросишь платьицо на стопочку точёную,
Алу ленточку с русой косы на стол ты на дубовой;
Сама сядешь тут на стульицо кленовое,
Разотворишь ты косевчато окошечко,
Станешь у́ныло, сестрица, причитать,
Коковать станешь, сестрица, выговаривать:
«Я несчастная душа да красна девиця,
Бесталанна вся любимая покрутушка
И обидна эта руса моя косынька!»
Как у твоего у братца у родимого
Красота была в личе да красна солнышка,
Белота была у света снегу белого,
Походочка была его щепливая,
Нарич́енье его было чваковитое,
Разговорушки его были уцливыи;
Много у́ма было разума в головушке,
Много розмыслу в ретливоем сердечушке!
Он не гордой был, свет, да разговорной,
В сердчи было великое желаньице,
Не прилестное желаньице — сердешное;
Столько изо ста был, свет, да с целой тысящи!
Как пойдешь да ты, обидна, единешенька
По этым гульбищам-прокладбищам,

Прибирать станешь скачёную жемчужинку
По этыим толпа́м молодецкиим,
По этыим бурлакам молодыим.
Супротив да светушка братца родимого
Не прибрать тебе, голубко моя белая,
Ни по возрасту тебе, ни по голосу,
Ни по желтыим завивныим кудёрышкам,
Ни по белому румяну его личушку,
Ни баской его щепливоей походочкой,
Ни уцливой молодецкой поговорюшкой,
Ни по ясным молодецким его очушкам,
Ни по резвым, голубонько, по ноженькам,
Ни по этым сапоженькам козловым!
Красным девушкам был он не насмешничек,
Мужниим женам не срамитель был,
Молодым вдовам — не похабничок,
Он солдаточкам был не проказничок,
Не грубитель со желанныма родительмы;
Не капризной был породы — именитой;
Он ведь с бедныма людямы угощался,
Бездомовым он суседям поклонялся;
Был заступушкой тоби, был заборонушкой!
Про тебя, да ведь про белую лебедушку,
Ветры в поле не навиялись,
Пустословья добры люди не набаялись!
После братца ноньку-красного солнышка
Не звеселят тебя, обидну красну девушку,
Разны игры со забавами
И кружечки хоботистыи;
Не розцветет на те цветно это платьицо,
Не украсит тя любимая покрутушка,
Нет от ветрышка тебе заборонушки,
Нет от добрых людей тебе заступушки!
Погнушаются советны дружны по́дружки
Тобой да столько, белая лебедушка!
Не станут все под праву с тобой рученьку,
Не подумают ведь крепкой с тобой думушки;
Скажут, девушка она да все кручинная,
Бело личушко у ей да все обидное!

Как ходить да станешь, белая лебедушка,
Памятить станешь скачёную жемчужинку;
На гульбищечка пойдешь невеселёшенька,
С игрищечка придешь да ты печальная,
Сговоришь ты желанным родителям:
«Ужо слушай-ко, пристаршой ро́дной батюшка,
Ты, возмольщичка печальна родна матушка,
Не дай Господи на сем да на белом свете
Как ходить-гулять без братца без родимого,
Без сердечного повозничка любимого!
Попусту да в поле ветры принавиются,
Понапрасну в поле травка нашатается,
Пустословья добры людушки набаются!
Виют витры в чистом поле со запа́дочкой,
Бают людушки теперь со прибавочкой,
Приобидят меня, белую лебедушку!»
Вот пройдет да это тепло красно летушко,
Все гульбищечка пройдут — эты игрищечка,
Все весельица-забавы молодецкие,
Приходить стане холо́дна, студена зима,
Тихоме́рны наступают тут беседушки,
И унылыи приходят эты свадебки;
У тебя нонь, печальной у головушки,
На санках нет зимного извозчичка,
Нет правителя ступистой лошадушки,
Не с кем и́здить по слезливым буде свадебкам,
Не по этыим беседам тихомерныим!
Ты пойдешь тут по суседям спорядовым,
Будешь звать да во сердечны провожатели.
Ты послушай, моя белая лебедушка!
Нонь гулять будешь, голубко, не по-прежнему,
Взвеселяться да ты будешь не по-старому!
Приукрылось ноньку все твое весельицо,
Во матушку укрылось во сыру землю,
Во погреба укрылось во глубокии!
Не с кем ездить по искат-горам высоким,
Ни по этым смиренныим беседушкам,
Ни по свадебкам унылыим, слезливым!
. . . . . .

К родственникам и суседям:

Вы послушайте-тко, род-племя любимое,
Вси собраныи суседи спорядовыи,
Да вы нищии тепереча, убогии!
Попрошу да вас, победна, от усердия,
Сотворю да я по милостыньке денежной,
Во-первы́х, да ради имени Христова,
Во-других, да ради братца поминального!
Хоть Исусову молитву сотворите-тко,
Перед Господом глаза вы закрестите-тко,
По единому поклону поклоните-ткось,
Света-братца сдвуродима помяните-ткось!
Как судил-привел скачёную жемчужинку,
Его душеньку Господь да к покаянию;
Хотя дал ему скорую смерётушку,
Не на славном синем на Онегушке,
Не в темных лесах дремучих,
Во своем доме-хоромном во строеньице,
На своей ему брусовой белой лавочке!
Хотя видели желанныи родители,
Как душа да с белым телом ликовалася,
Быв как облако она да подымалася!

К попам:

Я гляжу-смотрю, печальна нонь головушка,
На попов-отцов гляжу теперь духовных,
На служителей гляжу да на церковных!
Во руках у их свещи да догоряются,
На налоях эты книги дочита́ются,
Хирувимскии стихи да допеваются;
Ноньку свет наш полотном уж закрывается,
Во далекую дорожку отправляется!
Вы подите-тко, попы-отцы духовныи,
Вперед да на могилушку умершую,
Накадите-тко вы погреба глубокии;
Впереди себя несите-тко, пожалуста,

Вы подсвечники несите золочёныи,
Честно-именно его да провожайте-тко!
Спаси Господи попов-отцов духовных,
Спаси Господи причетен-то церковных!

К дяде:

Я гляжу-смотрю, победная головушка,
На бажёного родителя на дядюшку!
Как пристаршее лицо его сменилось,
Цвётно платьицо на нем все обносилось;
Он без ветрышка, желанной мой, качается,
Рутит слезушки, обидной, на дубовой пол!
Он не може примениться ума-разума,
Со кручины он не знае куды броситься;
Во неражи сапожёнки обувается,
Кафтани́шко одеват да стозаплатное,
Подпоясался верёвченком немудрым!
Снаряжается с сердечным он со дитятком
Не на трудну на крестьянскую работушку,
Не во темныи леса да во дремучии,
Не к Владычному Господню Божью праздничку;
Понести хочут скачёную жемчужинку
Во матушку его да во сыру землю,
Во погребы его да во глубокии!
Ты гляди-смотри, пристаршой ро́дной дядюшка,
Ужо тут да ваша лёгка переменушка,
Ужо тут ваша великая надиюшка!
Земли-матери теперь да он не пахарь,
Не кормитель вам, желанныим родителям!
От обидни станут люди расходитися,
От вечерень-то народ да разъезжатися,
Уже вам свое дитё не дождатися!
Да ты слушай-ко, желанной родной дядюшка!
Не жалий да золотой казны бессчётной,
Ты найми-тко столяров да добрых мо́лодцев,
Да ты сделай-ко крест животворящий;
Клади надпись ты попам-отцам духовным!
Как пойду да на родиму я на родинку,

Мимо эту Божью церковь посвященную,
На пути найду, горюша, перепутьице,
Край дороженьки — любимое гостибище,
Забегу да к свету-братцу сдвуродимому,
Признавать буду могилушку умёршую,
Примечать да по кресту животворящему!
Да ты послушай-ко, желанной родной дядюшка,
Ты дари честных попов-отцев духовных,
Рассчитайся за велико погребение;
Ты зови да их в крестьянскую во жирушку,
Ты к себе проси их в дом на угощение,
Нанимай да шестьнедельно поминаньице!

К тетке:

Ты смотреть будешь, печальна родна дяденька,
Во это во косевчато окошечко,
Скрозь унылую стекольчату околенку,
Сожидать будешь сердечно мило дитятко;
Ты увидишь, как по чистому там полюшку
Пойдут да многи добры эты людушки
От этыих обиден полу́денныих!
Сожидать станешь сердечно свое дитятко,
Не подойдет ли со добрыма людушкам,
Не подкатит ли с спорядныма суседушкам,
Со своей роднёй — со братьицом, приятелем;
С горя кинешься, спацлива родна дяденька,
Ты на эты новы сени решётчаты,
Со досады на крылечико перёное,
Со обиды на прогульную на уличку,
Со печали на путь-широку дороженьку!
Хоть станешь край пути да ты дороженьки,
Станешь спрашивать спорядныих суседушек,
Выведывать у добрых будешь людушек:
«Ай же вы суседы спорядовыи!
Вы откуль держите путь эту-дороженьку?»
Отвечать станут тут добры тебе людушки:
«Мы были в Божьей церквы посвященной,
У обиден мы были полуденных».

Станешь спрашивать, печальна ты головушка:
«Не видали ль сердечного там дитятка?»
Отвечать да будут добры тебе людушки:
«Подожди его любимых поровечников,
Може стрету оны да не стретались ли,
На попутье-то они да не видались ли?»
Ты на стретушку пойдешь к ним поскорёшенько,
Ты закинешь речь, горюша, умильнёшеньку,
Ты челом да бьешь, горюша, низко кланяешься:
«Да вы здраствуйте, удалы добры молодцы,
Челобитьице любимым поровечникам!
Хотя жь и́дете, удалы добры мо́лодцы,
Вы от этой Божьей церкви посвященной,
Вы не видели ль сердечно мило дитятко,
Богу молячись во этой во Божьей церкви,
Аль в пути на ши́рокой дороженьке?
Нет ли радостна по вас да всё известьица?
Нет ли грамотки ко мне да скорописчатой,
Нет ли низкого поклона-челобитьица?»
Отвечать станут суседи спорядовыи:
«Уж мы, мо́лодцы, того не сдогадалися,
Мы по платьицу его не примечали,
Не смотрели по народу-людям добрыим,
Мы на стретушку с ним да не стреталися,
В обнесенной мы ограды не видалися!
Извини, да спорядовая суседушка,
Што горюшу мы тебя не взвеселили,
Мы от дитятка письма не получили,
Мы, собраныи суседы спорядовыи,
Разговорамы в ограды занималися,
Столько видели могилу положеную,
Един крест стоит ведь е да поставленой!»
Тут росплачешься, горюша, ростоскуешься,
Ты со причетью ведь в дом да свой воротишься.
На пути бедна горюша постояла,
Только дитятка в глаза да не видала,
Видно, нет того на свете да не водится,
Знать, от мертвых письма-грамотки не ро́дятся.

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1. Санкт-Петербург, "Наука", 1997.